

Белла Ахмадулина

* * *

Четверть века, Марина, тому,
как Елабуга ластится раем
к отдохнувшему лбу твоему,
но и рай ему мал и неравен.

Неужели к всеведенью мук,
что тебе удалось как удача,
я добавлю бесформенный звук
дважды мною пропетого плача?

Две бессмыслицы - мертв и мертва,
две пустынности, два ударенья -
царскосельских садов дерева,
перedelкинских рощиц деревья.

И усилием двух этих кончин
так исчерпана будущность слова.
Не осталось ни уст, ни причин,
чтобы нам затевать его снова.

Впрочем, в этой утрате суда
есть свобода и есть безмятежность:
перед кем пламенеть от стыда,
оскорбляя страниц белоснежность?

Как любила! Возможно ли злей?
Без прощенья, без обещанья
имена их любовью твоей
были сосланы в даль обожанья.

Среди всех твоих бед и плетей
только два тебе есть утешенья:
что не знала двух этих смертей
и воспела два этих рожденья.

Bella Akhmadulina

* * *

For a fourth of a century's while
you've reposed in Yelabuga's Eden,
but, Marina, for foreheads that wide,
even Eden is tight and uneven.

Will, indeed, the omniscience of woe
you've perfected like any vocation,
be complete with the orderless blow
of my chanted two times lamentation?

Two absurdities – his grave and hers,
two inanes, two grammatical genders.
Tsarsko-Selsky imperial firs,
Peredelkino pinery's splendors.

Insomuch these two ends have eclipsed
and exhausted all lettery matters
that we're left neither reasons nor lips
to continue our literate madness.

Yet there is liberation and peace
in the loss of the paramount judgment.
For, whose ear would I fear to displease
desecrating this lily-white parchment?

How you loved them! Who'd fiercer admire?
Unforgiving and uncompromising,
you commanded their names, with your lyre,
into exile above the horizon.

And amidst all your grief and distress
you've been blessed with but two consolations:
to have seen neither one of these deaths
and have sung each of these two creations.